

ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ: ДИАЛЕКТИКА НАУЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПРЕДМЕТНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Фольклористика – сравнительно молодая наука, резервы развития которой до конца не исчерпаны. К XX в. она с трудом освободилась из могучих «объятий» мифологии, этнографии, литературоведения, более-менее убедительно определила объект своего исследования, хотя его границы до конца так и не очерчены, что, впрочем, неудивительно, учитывая специфику фольклора, сферу его бытования и функциональность. Приспособив для решения собственно фольклористических задач сравнительно-исторический метод исследования, утвердившийся в науке благодаря мифологам и особенно языковедам, фольклористика все время ощущала зависимость от других дисциплин. Это выражалось в каком-то обреченном подчеркивании своей связи с ними, находя объяснение в своеобразном положении фольклора в быту и истории культуры. Вот только другие науки, используя фольклорный материал, не очень-то спешили оценивать и применять достижения фольклористики. Редкое исключение – наследие В. Я. Проппа, оказавшего большое влияние на развитие мировой науки.

Нынешнее поколение исследователей, как будто опомнившись и стремясь наверстать упущенное, без разбора кинулось к методам родственных и смежных наук, нимало не заботясь о целостности методологии. Признаком хорошего тона стало декларирование богатства методологических подходов к объекту фольклористического изучения. При ближайшем рассмотрении сплошь и рядом «богатство» оборачивалось неуклюжей эклектикой, жонглированием терминами, принадлежащими различным дискурсам. Например, несмотря на заверение в приверженности культурологической методологии, многие диссертанты, как выясняется, не имеют о ней никакого представления, наивно воображая, что для ее постижения достаточно термин «фольклор» заменить на термин «народная духовная культура». В области нереализованных намерений оставался и структурно-типологический метод.

Если верить словарям, исходящим из реального положения вещей на фольклористическом фронте, то оказывается, что фольклористика как была, так и осталась в области двух ветвей, – фольклористики филологической и музыкальной (или этномузыкологии), испытывая при этом воздействие смежных наук (культурологии, социологии, социальной психологии, этнолингвистики, семиотики и др.) [2, 408, 409]. Получается, что фольклористика не только не развивала собственные научные направления – она просто-напросто даже не «застолбила» их хотя бы на уровне терминологического обозначения. Встает закономерный вопрос: а были ли резервы и возможности у фольклористики? На наш взгляд, более чем

достаточные, если учесть магистральную линию развития науки в XX столетии.

Вряд ли кто будет отрицать, что предыдущее столетие прошло под знаком интегративных процессов, затронувших естественные и гуманитарные науки. Но не фольклористику. На советском пространстве более мобильным оказалось языкознание, где появились такие ветви, как социалингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и др. С 80-х годов XX в., когда ученые глубже познакомились с оригинальными концепциями и школами зарубежной науки, дискурсивно отличной от советской, наметились сдвиги в литературоведении. Фольклористика оказалась более инертной, особенно в сравнении с мифопоэтологией и этнолингвистикой.

Глава этнолингвистической школы Н. И. Толстой ратовал за расширительное понимание фольклора. Он настаивал на необходимости рассмотрения фольклорных жанров и текстов в синтезе с народными верованиями и представлениями, породившими тот или иной текст. И пока «чистые» фольклористы-филологи тешили себя иллюзиями насчет комплексного изучения фольклора «как полиэлементной структуры и как подсистемы в системе народной культуры» [2, 94-95], пока они надеялись на возможность комплексных фольклорных экспедиций и создание обобщающих синтетических исследований в сотрудничестве с представителями других наук, что, на наш взгляд, относится к области фантазии, этнолингвисты не бездействовали ни в охвате материала, ни в разработке подходов к его изучению, более широких по сравнению с собственно этнолингвистическими. В качестве примера можно сослаться на замечательную саму по себе книгу Т. А. Агапкиной «Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл» (М., 2002), где автор-этнолингвист позиционирует общий метод своего исследования как комплексный фольклорно-этнолингвистический, что, конечно же, далеко от реальности – здесь мы имеем модифицированный этнолингвистический с уклоном в этнографию, а не в фольклористику, но суть не в этом: показательное дальнейшее стремление этнолингвистов к интегрированию наук.

Безусловно, фольклорист найдет в этой книге много интересного, полезного, познавательного, но очень мало фольклорного, хотя Т. А. Агапкина считает, что ею учтены «все жанры фольклорного слова, зафиксированные в составе календарных праздников» [1, 17]. На самом деле фольклор здесь встает в привычной подсобной роли иллюстратора идей и положений, высказываемых автором. Как бы мы ни расширяли понятие «фольклор», такое исследование не может считаться фольклористическим, претендовать на комплексное фольклорно-этнолингвистическое, если фольклорное слово рассматривается вне его художественной, т.е. образной, функции. Это тот аспект изучения фольклора, в котором представители других наук безнадежно слабы, что и демонстрирует работа Т. А. Агапкиной, где фольклорное слово рассматривается только как носитель

мифоритуальных смыслов, а его эстетическая составляющая остается далеко в стороне.

Отсюда следует, что фольклористам, в первую очередь филологам, не стоит надеяться на некое мифическое сотрудничество с другими специалистами – те всегда будут решать *свои* проблемы и в рамках *собственных* методов, а активно разрабатывать новые модели фольклорной реальности, строить новые отрасли фольклористики, целенаправленно готовить специалистов соответствующего интегративного толка на основе новых программ их обучения в аспирантуре. Самое парадоксальное состоит в том, что ряд направлений в фольклористике разработан достаточно хорошо, обозначен в конкретных работах вполне убедительно, но в целом как-то аморфно, в силу чего они как бы и не существуют, поскольку не получили имени. Назову только два – этнофольклористику и социофольклористику. Возможно, если эти названия будут приняты, круг других направлений выкристаллизуется более отчетливо и станет ясно, сколь содержательна и методологически богата фольклористика.

Возьмем этнофольклористику. Уж она-то, имея в авангарде такого теоретика, как Б. Н. Путилов, должна была оформиться в качестве самостоятельной ветви фольклористики раньше этнолингвистики или хотя бы вместе с ней. К сожалению, даже пример этнолингвистики не оказался заразительным. И это тем более удивительно, что параллельно выходили два издания – «Славянский и балканский фольклор» Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР, где этнолингвисты демонстрировали как широкий, так и узкий подход к фольклору, и «Фольклор и этнография» Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященный изучению связей традиционного фольклора с кругом народных представлений, верований, обрядов, этнографических институтов, выяснению значения этого явления для формирования фольклорных жанров, сюжетов, мотивов, специфика отражения быта в фольклоре. Статью Б. Н. Путилова «Проблемы типологии этнографических связей фольклора», опубликованную в сборнике «Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами» (М., 1977), можно было бы считать программной для этнофольклористики, если бы такое предложение последовало от автора. В ней Б. Н. Путилов подчеркнул три основополагающих момента, вполне достаточных для заявки на формирование этнофольклористического направления: 1) этнографические связи являются для фольклора универсальными, всеобъемлющими; 2) они в известной мере определяют истоки жанрово-видовой системы фольклора, его художественной формы и содержания; 3) исследование хорошо организованных фольклорно-этнографических связей «много значит для выяснения существенных аспектов самой природы фольклора, его эстетики и истории» [5, 3].

Конечно же, фольклор имеет принципиально иные, специфичные связи с бытом, чем, скажем, литература, но разве их кто-то выделил, классифицировал, описал, объяснил? Фольклорное творчество обладает потрясающей способностью представлять бытовое как поэтическое, но разве

открыта тайна фольклора? Он – пример той «неслыханной простоты» в ее изначальных формах, о которой даже большой художник может только мечтать, простодушный фено-текст, имеющий опорой изощреннейший гено-текст мировой культуры, с которым он связан невообразимым множеством смысловых комбинаций, но остающийся при этом обманчиво наивным. Но где исследования по философии фольклорной наивности, просто купающейся в наивной пасторали фольклорной картины мира, где даже потрясения и конфликты при всей их разрушительной мощи только оттеняют морально-эстетические нормы фольклорного мира, символом которого вполне могут стать деревья, вырастающие на могилах влюбленных, цветов, в который превратились брат и сестра, жар-птица, конек-горбунок... Фольклор удивительнейшим образом балансирует на грани бытового и эстетического, его быт фантастичен в любых жанрах, а эстетика предстает через бытовые формы. И можно понять Б. Н. Путилова, посчитавшего законом для фольклора «творческое переосмысление, которое предусматривает, в частности, «протягивание» бытовых отношений, норм, представлений в сферу небывалого, художественное их раскрытие, домысливание, сюжетную их разработку» [5, 12]. Так и появляется в фольклоре жар-птица, в формульном названии которой сплавлены две стихии – бытовая (птица) и мифологическая (свет, огонь, сияние), но передающаяся через обыкновенное слово «жар», которым обозначается горящий или тлеющий уголь, огонь без пламени, перегоревшие в раскаленный уголь дрова [3, 526], т.е. все до боли родное и знакомое.

О важности изучения традиционной образности народной поэзии в историко-этнографическом аспекте говорили многие ученые, в частности В. К. Соколова, посетовавшая, что «в таком плане народная поэтика исследуется сейчас у нас мало» [7, 188]. Разумеется, наука не стояла на месте, появлялись работы, где ставились и решались вопросы, связанные с происхождением и первоначальным смыслом фольклорной образности. Симптоматичны факты, свидетельствующие о стремлении фольклористов объединить усилия для изучения становления и развития художественной системы устного народного творчества. Показательный пример – коллективный сборник «Фольклор. Поэтическая система» (М., 1977), первая часть которого посвящена проблемам исторической поэтики фольклора. Здесь Б. Н. Путилов в своей статье «Современные проблемы исторической поэтики фольклора в свете историко-типологической теории» еще раз подчеркнул, что функциональные связи фольклора с различными сферами устойчивой народной бытовой практики проявляют себя в эстетической сущности фольклора [6, 17], т. е., по большому счету, обозначил предметную специфику этнофольклористики, отметил также существование работ, подводящих «к уяснению самого механизма превращения этнографических субстратов в фольклорную сюжетику» [6, 20].

Этнофольклористика вполне может стать одним из интегративных научных направлений в ИИЭФ НАН Беларуси, тому порукой шеститомное серийное издание «Беларускі фальклор. Жанры, віды, паэтыка» (2001-2004),

где авторы обращают внимание на различные уровни связи фольклора с миром быта, на мифологизацию, поэтизацию, идеализацию и быта и т. д. В русле этнофольклористики плодотворно работает в Гомельском государственном университете им. Ф. Скорины коллектив под руководством доктора филологических наук В. С. Новак, возглавляющей кафедру белорусской культуры и фольклористики.

Можно сказать, что социофольклористика имеет столь же значимые предпосылки, что и этнофольклористика, в том числе и в нашей республике. Постановка проблемы взаимоотношений фольклора и социума, т. е. социально дифференцированного этноса, относится к античной эпохе. Некоторые философы, в частности Эмпедокл и Демокрит, недоумевая по поводу высокого художественного уровня искусства простолюдинов, объясняли этот факт даром богов. Сократ одним из первых отметил разрыв между мышлением создателей эпоса и носителей традиции: «Эпос-то они знают в точности, а сами уж очень глупы». По мнению Платона, божественный дар сказительства еще не делает человека мудрецом. Мысль Лукреция о значении практических нужд и утилитарных интересов как стимулов творчества разовьет в XIX в. демократическая наука, а потом сделает основополагающей советская фольклористика.

В очередной раз остается удивляться, почему, в силу какой тенденциозности мышления не явилась на свет социофольклористика – то ли как ветвь фольклористики, к XX в. уже доказавшей право на самостоятельность, то ли как новая наука, задающаяся исследованием проблем социальной дифференциации фольклора, благо пример был перед глазами – социалингвистика. Это тем более странно, что фольклористы советского времени очень активно и в разных контекстах использовали термины «социальный», говорили о социальной функции фольклора, социальных идеалах, при его периодизации ориентировались на социально-экономические формации, выделяли родоплеменную, феодальную, капиталистическую и советскую стадии развития фольклора, что, конечно, было не совсем корректно, но достаточно показательно.

Притом, что основные усилия фольклористов направлялись на разработку идей, касающихся теории фольклора, и, в частности, на создание доказательной базы, что творцом фольклора являются исключительно трудящиеся массы, практика так называемого классового анализа народного творчества содержала определенные положительные моменты. Только в советское время стали систематически собирать и изучать рабочий фольклор, свидетельствующий, по мнению ученых, о росте самосознания пролетариата. Не остался без внимания, как тогда говорили, городской фольклор мелкобуржуазной (мещанской) среды. Академик Ю. М. Соколов все же вынужден был признать некоторое участие господствующих классов в фольклорном процессе феодальной эпохи и вполне обоснованно критиковал теорию аристократического происхождения фольклора, изложенную В. А. Келтуялой в «Курсе истории русской литературы» (1906), который недрогнувшей рукой отсек от фольклора простой народ творчески, по его

мнению, бесплодный, способный только портить заимствованное от настоящих создателей обрядовой и необрядовой культуры – старейшин, их жен, родственников, служителей культа и профессионалов. Отмечалось широкое распространение фольклора в среде мелкого дворянства, духовенства, купечества, чиновничества, о чем свидетельствовали рукописные сборники. Ученые сетовали по поводу того, что в здоровом теле фольклора обнаруживаются чуждые социалистическому строю влияния мелкобуржуазной стихии и деклассированной среды с его уголовным («блатным») фольклором.

Как видим, по сути дела, во всех случаях речь шла о социальной неоднородности и многовекторности живого фольклорного процесса, но идея социальной полицентричности устного творчества до поры до времени не получала теоретического обобщения. Наиболее четко ее изложил В. Я. Пропп, обосновавший возможность отличать народные песни по признаку социальной принадлежности, ибо различные социальные группы, в частности крестьяне-земледельцы, крестьяне-отходники и рабочие, создают различные, а не одинаковые песни. Разумеется, социальный принцип не может использоваться при классификации фольклорных видов и жанров, но вполне «работает» при общем подходе к составу фольклора и созданию свода фольклористических терминов и понятий. Вряд ли кто-то будет возражать, что есть фольклор городской, крестьянский, рабочий, разбойничий, сектантский, песни отходников, батраков, бурлаков, бурсаков, гайдамаков, казаков, крестьян, лирников, рабочих, солдат, заключенных, чумаков, шахтеров и т. д. Есть фольклор классический, принадлежащий как бы всему народу, и социально маркированный поздне-традиционный фольклор, хронологически относящийся к индустриальному обществу. Сейчас в отношении наиболее подвижной и неустойчивой части современного фольклора активно используется термин «постфольклор». На наш взгляд, любой синхронный срез фольклора, начиная с раннего, уже содержит постфольклорный сегмент, источник новых явлений, тенденций, традиций, имеющих социальную окраску. Так, социально и профессионально дифференцированный поздне-традиционный фольклор XIX в. – типичный пример постфольклора по отношению к классическому. Потом часть его произведений органично вошла в сферу классического фольклора (песни казацкие, рекрутские, солдатские), а часть бесследно исчезла.

Время покажет, что останется от фольклора XX в., тематически связанного с важными историческими событиями, к примеру, с песнями «афганцев», включившимися в процесс фольклоризации.

Таким образом, социофольклористика имеет вполне определенный объект и предмет исследования с широким кругом собственных проблемных вопросов. Ее легализация, сначала хотя бы на уровне термина, активизирует исследовательскую мысль, скоординирует усилия фольклористов по осмыслению закономерностей живого фольклорного процесса в его отношении к традиционной народной культуре. Приятно отметить, что в данном случае белорусская фольклористика находится в авангарде научных

поисков. Я имею в виду работы доктора филологических наук профессора А. В. Морозова и кандидата филологических наук доцента Т. А. Морозовой по изучению социодинамики фольклора восточных славян XX в. Авторы поставили перед собой цель исследовать социокультурные процессы, закономерности и модификации развития фольклора восточнославянских народов, изучить спецификацию проявлений социодинамики в различных видах и жанрах фольклора [4]. И тем большее сожаление вызывает отсутствие в энциклопедии «Беларускі фальклор» (2006) статей «Постфольклор», «Современный фольклор», недостаточный объем статей «Городской фольклор», «Рабочий фольклор».

Дифференциация фольклора по линии деревня (провинция) – город началась не сегодня и даже не в XIX веке, а гораздо раньше, в незапамятные времена, от которых осталось мало письменных свидетельств. Но, как выяснилось, она сопровождалась взаимообменом художественными открытиями и текстами-эталоном. Наличие двух социально отличных полюсов фольклорного процесса и коэволюция, т.е. процесс совместного развития устного поэтического творчества города и деревни, при неравновесии традиционного и нового в каждом из полюсов явились условием динамически устойчивой целостности фольклора. Изучение исторического прошлого и настоящего фольклора в их совокупности вряд ли возможно без учета социализации фольклорного автора по роду занятий и интересов, характеру труда и досуга. Развитие социофольклористики выступит, таким образом, одним из аспектов поиска новых подходов к осмыслению специфики фольклора, станет тем фактором, который поспособствует получению объемной картины фольклорного процесса.

При разработке учебной программы «Фольклористика» (в соавторстве с к.ф.н. О. В. Приемко) мы посчитали необходимым ввести в нее особые разделы «Сфера постклассического фольклора» (конец XVIII – нач. XX в.) и «Сфера постфольклора». Тем самым мы предлагаем целостную картину фольклорного процесса, принципиально гетерогенного по социально-профессиональным составляющим, что, безусловно, позволит студентам глубже понять движение художественной системы фольклора во времени и не воспринимать его как реликт.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
2. Восточнославянский фольклор: словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993.
3. *Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т.1.
4. *Morozov A. V.* The Modern Problems of Folklore Studies: the View from Belarus // The Universal Values and National Distinctness of Traditional European Cultures in the Process of Integration of Europe: scientific reports prepared for the

11th European Conference of Folk Culture, 23-27 June 2004, Lublin – Kazimierz Dolny, Poland. – Lublin: Drukarnia «Alf-Graf», 2004. P.148-155; *Морозов А. В.* Фольклор в духовной культуре восточных славян. Вильнюс, 2005; *Марозаў А. У.* Фальклорная творчасць і сучасныя культурныя працэсы ў славянскіх краінах // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XIV Міжнар. з'езд славістаў (Охрыд, 2008): Дакл. бел. дэлегацыі / НАН Беларусі. Беларускі камітэт славістаў. Мн., 2008. С. 307-320; *Морозова Т. А.* Социокультурная динамика белорусского эпического творчества // Язык русского фольклора: Сбор. науч. трудов / отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск, ПетрГУ, 2004; *Морозова Т. А.* Фольклор восточных славян в дооктябрьский период: основные тенденции и направления развития // Міфалогія–фальклор–літаратура: праблемы паэтыкі: зб. навук. прац. Вып. 4 / склад. Т. І. Шамякіна. Мн., 2006. С. 81–86.

5. *Путилов Б. Н.* Проблемы типологии этнографических связей фольклора // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. М., 1977.

6. *Путилов Б. Н.* Современные проблемы исторической поэтики фольклора в свете историко-типологической теории // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977.

7. *Соколова В. К.* Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы–смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. М., 1977.